

УДК 327

ПОДХОД К КИТАЮ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ВИДЕНИИ ЕС (2016–2023 ГГ.)

© 2024 **ЛЕУШКИН Денис Вячеславович**

Кандидат политических наук, доцент

Институт международных отношений и мировой истории

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского. 603005, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2*

E-mail: den.leushkin@mail.ru

© 2024 **САМОЙЛОВ Никита Георгиевич**

Факультет международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет

191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, 8 подъезд

E-mail: samoilovng@gmail.com

Поступила в редакцию 30.01.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Цель статьи – определить основные этапы становления двойственного образа КНР в европейском дискурсе, а также причины трансформации подхода к Китаю в официальных документах и заявлениях, включая оценки ряда европейских аналитических центров. Первый этап связан с образованием предпосылок для ухудшения двусторонних отношений из-за усиления экономических противоречий, второй – с закреплением за Пекином двойной роли партнера и конкурента на фоне роста напряженности, третий – с амбициями ЕС в вопросе обеспечения международной и региональной безопасности, озвученными в «Стратегическом компасе», и негативной оценкой со стороны ЕС китайской позиции по российско-украинскому конфликту. Исследование основано на мир-системном подходе и фокусируется на влиянии внешнеэкономических факторов на развитии европейского внешнеполитического дискурса по отношению к Пекину. Закрепление за Китаем противоречивого образа партнера и соперника закономерно и обусловлено обострением кризиса мир-системы, трансформацией мирового порядка и, как следствие, актуализацией экономических разногласий, ярким примером которых служит дефицит ЕС в торговле с КНР. Современный подход Брюсселя к Пекину укладывается в логику столкновения «демократий» с «автократиями». Конфликт с Китаем публично освещается не столько как экономическое противостояние, сколько экзистенциальная борьба различных политических систем. Сделан вывод, что внутренне противоречивый подход к Китаю будет оставаться доминирующим в условиях сохранения разногласий ЕС и КНР.

Ключевые слова: ЕС, Китай, Стратегический компас, Индо-Тихоокеанский регион, дискурс, аналитические центры

DOI: 10.31857/S0201708324050048

Несмотря на преобладание российско-украинского и палестино-израильского конфликтов в европейском дискурсе, значительное место в официальных документах Евросоюза и публикациях «мозговых центров», аффилированных с его структурами, занимает китайский фактор. В статье рассмотрены эволюция образа Китая и закрепление за ним двойственной роли партнера и соперника в стратегическом видении ЕС. Отношение Евросоюза к Пекину отражается на национальном уровне: Берлин, например, согласует позицию по КНР с Брюсселем [Белов, 2023: 123–124].

Сотрудничество интеграционного объединения с Китаем началось с установления дипломатических отношений в 1975 г. и стало стремительно развиваться, чему способствовали рыночные реформы в КНР [Носов, 2015: 269–270]. Несмотря на значительные объемы двусторонней торговли (856,3 млрд евро в 2022 г.)¹ и европейских инвестиций в китайскую экономику (160–170 млрд евро с 2002 по 2022 гг.)², Китай и ЕС находятся в состоянии конфликта по экономическим вопросам. Это выражается в обвинениях Пекина в несоблюдении принципов ВТО, а именно в активном государственном вмешательстве и создании торговых барьеров для других стран. Взятие под контроль стратегически важных предприятий в Европе посредством увеличения инвестиций китайских государственных компаний в экономику стран региона воспринимается как угроза для безопасности ЕС. Кроме того, не решены вопросы, касающиеся защиты интеллектуальной собственности [Носов, 2015: 276–277, 279]. Китай – основной экспортер товаров в ЕС, но по импорту занимает только третье место, что свидетельствует о несбалансированности торговых отношений. Что касается европейских инвестиций в китайскую экономику, то они незначительны по сравнению с вложениями США, которые увеличились с 0,96 трлн долл. в 2002 г. до 3,4 в 2022 г.³ Все это обуславливает противоречивость отношений ЕС и КНР и двойственный образ Китая в стратегиях интеграционного объединения.

Формирование предпосылок соперничества Брюсселя и Пекина (2016–2018 гг.)

В Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности, принятой в июне 2016 г. – основополагающем документе ЕС в области внешней политики – Китай представлен как важный торговый и инвестиционный партнер.

¹ China-EU – international trade in goods statistics. Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (дата обращения: 08.02.2024).

² Jarvis R. EU-China trade and investment: unbalanced and well below potential. Friends of Europe. 2023. URL: <https://www.friendsofeurope.org/insights/eu-china-trade-and-investment-unbalanced-and-well-below-potential> (дата обращения: 08.02.2024).

³ Foreign direct investment from Europe into the United States from 2000 to 2022. Statista. 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/188884/foreign-direct-investment-from-europe-in-the-us-since-1990/> (дата обращения: 08.02.2024).

От КНР ожидается поддержание диалога по экономическим реформам, вопросам экологии и прав человека¹. Сделан акцент на взаимодействии с единомышленниками (государствами и организациями) и поддержании «основанного на правилах мирового порядка», к ключевым принципам которого относятся многосторонность и опора на ООН². Стратегия составлена в духе либерально-демократического дискурса: в ней употребляются такие слова и формулировки, как «демократия», «верховенство права», «права человека», «выгоды глобализации»³.

В июне 2016 г. были приняты «Элементы новой стратегии ЕС в отношении Китая», где фокусировалось внимание на важности сотрудничества с Пекином в особенности в экономической сфере, в рамках которого Брюссель должен учитывать «тесные взаимоотношения с США и другими партнерами»⁴ и соблюдать «блоковую дисциплину» [Данилин и др., 2022: 68]. Особое место в документе занимает поддержка анонсированного Китаем социально-экономического реформирования страны к 2020 г., что связано с заинтересованностью ЕС в расширении доступа к китайскому рынку и либерализации экономики страны. Провозглашается, что взаимодействие с Китаем по линии «Один пояс, один путь» должно опираться на рыночные практики и принцип взаимной выгоды⁵, однако в 2018 г. 27 послов стран Евросоюза в Пекине заявили, что инициатива противоречит либерализации торговли и отдает преимущество китайским компаниям, поддерживаемым государством [Носов, 2018: 12]. Согласно документу, «большая интеграция экономики КНР в глобальную» может привести к пониманию Китаем «взаимозависимости» и нежелательности «искажения международных рынков и торговых отношений». В этом случае также прослеживается либеральная логика, которая заключается в применении экономической взаимозависимости как инструмента дипломатии, механизма недопущения эскалации конфликта ЕС и КНР, поскольку взаимозависимые партнеры стремятся не только сохранить выгоды, но и не допустить издержек от нарушения, к примеру, логистических цепочек вследствие обострения отношений. «Элементы новой стратегии», будучи выпущенными практически в то же время, что и глобальная стратегия, сохраняют миролюбивый настрой по отношению к КНР. Развитие двусторонних отношений основывается на расширении экономического сотрудничества на рыночных принципах и диалоге в различных сферах, в частности по вопросам прав человека, разоружения, безопасности в Африке. В то же время действия Пекина по отношению к инакомыслящим характеризуются как авторитарные и нарушающие верховенство права. Евросоюз выступает за свободу навигации в Китайских морях и поддерживает политику «одного Китая», намереваясь, однако, углубить сотрудничество с Тайванем⁶.

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. 06.2016. P. 38. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 08.02.2024).

² Там же. P. 8.

³ Там же. P. 7–11.

⁴ Elements for a new EU strategy on China. JOIN/2016/030 final. 22.06.2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:52016JC0030> (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

2016 г. стал поворотным для внешней политики «западных» стран и институтов. В сентябре, накануне президентских выборов, президент США Барак Обама заявил, что курс Вашингтона можно определить как поворот к Азии, цель которого – перехватить региональное лидерство у КНР. Несмотря на то, что Д. Трамп инициировал выход из соглашения о Транс-Тихоокеанском партнерстве [Носов, 2018: 7], внешняя политика его администрации сохранила азиатский фокус и приобрела антикитайскую окраску¹. Поворот к Азии и Китаю со стороны ЕС основывался на уже заложенном прежде фундаменте, состоящем из «политического, экономического и секторального, а также гражданского диалогов» [Носов, 2015: 272].

Китай как партнер и соперник: формирование образа (2019–2021 гг.)

В марте 2019 г. было издано совместное коммюнике Еврокомиссии и Высокого представителя «ЕС – Китай: стратегические перспективы», которое остается актуальным несмотря на ухудшение двусторонних отношений². Документ основан на «Элементах новой стратегии ЕС в отношении Китая»³, но концептуальное видение КНР значительно отличается. В 2016 г. Пекин изображался как партнер, применяющий нерыночные меры. Кроме того, Брюссель пытался сгладить назревающее столкновение интересов с Пекином: «То, что часто воспринимается в Африке как конкуренция ЕС и Китая, должно быть превращено в более тесное сотрудничество по урегулированию кризисов»⁴. Еще одним конфликтным регионом выступает Средиземноморье, которое традиционно находится под влиянием ЕС, но привлекает все большее внимание Пекина, пытающегося реализовать инфраструктурные проекты, в т. ч. развитие греческого порта Пирей [Буторина, Алексеенкова, 2022: 182–183].

В документе ЕС за 2019 г. КНР обозначен как партнер по сотрудничеству, с которым Евросоюз имеет общие цели; партнер по переговорам; экономический конкурент, стремящийся к технологическому лидерству и «системный соперник, продвигающий альтернативные модели управления»⁵. Подход ЕС можно свести к формуле «партнерство – соперничество». Под последним подразумевается сочетание экономической конкуренции и политико-идеологического противостояния. ЕС считает, что ситуация с правами человека в Китае ухудшается и приводит в качестве примеров Синьцзян-Уйгурский автономный район и Гонконг. В то же время КНР воспринимается как важный региональный игрок в области безопасности, с

¹ President Trump on China: Putting America First. The White House. 02.11.2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-trump-china-putting-america-first/> (дата обращения: 08.02.2024).

² EU-China Relations factsheet. EEAS. 01.04.2022. P. 1. URL: https://web.archive.org/web/20230206162417/https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-relations-factsheet_en (дата обращения: 02.04.2024).

³ EU-China Strategic Outlook. JOIN(2019) 5 final. 12.03.2019. P. 1. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Elements for a new EU strategy on China.

⁵ EU-China Strategic Outlook. P. 1.

которым Брюссель надеется сотрудничать по иранской ядерной сделке и урегулированию кризисов в Афганистане и Мьянме, несмотря на то что морские претензии Пекина в Южно-Китайском море противоречат международному праву. Евросоюз настроенно относится к китайским инвестициям в другие страны, включая западно-балканские, африканские и соседствующие с ЕС государства. Эти вложения способствуют росту «развивающихся» экономик, но «часто пренебрегают социально-экономической и финансовой устойчивостью», что ведет к высокому уровню закредитованности и переходу стратегически важных объектов и ресурсов под китайский контроль. Другой проблемой выступает рост протекционизма: рынок КНР остается в значительной мере закрытым для европейских компаний¹. Евросоюз, не упоминая напрямую Китай, считает, что иностранные инвестиции в стратегические секторы могут представлять риск для безопасности. Это, в частности, затрагивает сети и технологию 5G². Китайские власти применяют либерально-демократические термины (права человека, верховенство права и т. д.), но вкладывают в них совершенно другое значение [Ekman, 2020: 9], что ведет к разрыву в определениях, углубляющему политико-идеологический раскол Брюсселя и Пекина.

В марте 2021 г. из-за нарушения прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе ЕС ввел санкции против КНР, согласовав их с США, Британией и Канадой. Китай ввел ответные санкции по отношению к ЕС, что стало, по мнению ряда европейских экспертов, поворотным моментом в росте «стратегического недоверия» в отношениях Брюсселя и Пекина [Alves, 2024: 9].

В сентябре 2021 г. было принято совместное коммюнике Европарламента и Совета «Стратегия сотрудничества ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе», в котором подчеркнута стремление Брюсселя увеличить присутствие в регионе, укрепляя «мировой порядок, основанный на правилах»³. Евросоюз критикует обезличенные Индо-Тихоокеанские «авторитарные» режимы, угрожающие демократическим принципам и правам человека. В качестве одной из целей экономико-политического блока провозглашается борьба с несправедливым торгово-экономическим принуждением. Применительно к Китаю предлагается сохранить многогранный подход, сформулированный в 2019 г. Кроме того, говорится о наличии фундаментальных противоречий в отношениях ЕС и КНР, в частности по вопросу прав человека. Подчеркивается, что демонстрация силы и эскалация конфликтов представляет опасность для безопасности и благосостояния Европы. Косвенно упоминается, что наращивание Китаем военной мощи несет угрозу для стран ЕС⁴.

Отношения КНР и ЕС на фоне обострения кризиса системы международных отношений (2022–2023 гг.)

«Стратегический компас» 2022 г., обсуждавшийся задолго до публикации, стал событием в европейской политике. К примеру, в декабре 2021 г. был опубликован

¹ Там же. Р. 2–5.

² Там же. Р. 9.

³ The EU Strategy for cooperation in the Indo-Pacific. JOIN(2021) 24 final. 16.09.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Там же. Р. 2, 4.

аналитический материал с рекомендациями от Института ЕС по исследованиям в области безопасности (*European Union Institute for Security Studies, EUISS*), который включил итоги опросов среди экспертов о наиболее перспективных направлениях развития европейской безопасности [Fiott, Lindstrom, 2021]. Ожидания респондентов относительно приоритетности того или иного географического региона в рамках развертывания гражданской и военной инфраструктуры по урегулированию кризиса не соответствуют актуальным тенденциям: Евразия и Индо-Тихоокеанский регион занимали далеко не первое место в представлениях ученых и аналитиков, что свидетельствует о важности «Стратегического компаса» с точки зрения официального закрепления поворота к Азии [Fiott, Lindstrom, 2021: 10].

Несмотря на доминирование российско-украинской тематики в европейском информационном поле, в «Стратегическом компасе» значительное внимание уделено роли Китая и ИТР в системе международных отношений. В документе утверждается, что развитие КНР будет одной из центральных тем в XXI в., поэтому Евросоюзу необходимо обеспечить соответствие этого процесса «международному порядку, основанному на правилах», интересам и ценностям сообщества. Для углубления военно-политической интеграции ЕС планирует географически расширить «координируемое морское присутствие», включив в этот механизм ИТР¹. Сотрудничество с АСЕАН и государствами-единомышленниками, а также проведение к 2023 г. морских учений с региональными партнерами «в дополнение к более частым заходам в порты и патрулированию» должны способствовать миру в регионе². Например, 14-15 августа 2022 г. в Аравийском море состоялись первые совместные антипиратские морские учения с Индонезией³, 23-24 марта 2023 г. в ИТР – первые в истории совместные морские учения с США⁴. Это свидетельствует о стремлении Евросоюза увеличить влияние в рамках региональной архитектуры безопасности. Желание ЕС увеличить морское присутствие, как отметил автор одного из предваривших «Стратегический компас» аналитических докладов, разумно не только в рамках безопасности, но и экономики [Fiott, 2021: 2].

«Стратегический компас» не обходит стороной тему столкновения «демократий» с «автократиями». К числу последних ЕС относит Китай⁵. Тем самым документ окончательно закрепляет уже сложившуюся тенденцию – ожесточение конкурентной борьбы различных элементов неолиберальной мир-системы. Вследствие обострения кризиса неолиберализма дискурс ЕС о Китае выходит за рамки ценностных противоречий и выливается в системный конфликт, от разрешения которого зависит будущее системы международных отношений.

¹ A Strategic Compass for Security and Defence. 2022. P. 12, 30. URL: https://www.satcen.europa.eu/keydocuments/strategic_compass_en3_web6298d4e4601f2a0001c0f871.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

² Там же. P. 55, 57, 60.

³ EU-Indonesia – Joint press release on First Joint Naval Exercise. EU External Action. 16.08.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-indonesia-joint-press-release-first-joint-naval-exercise_en (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ US: first ever joint naval exercise conducted between the EU and U.S. EU External Action. 24.03.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/us-first-ever-joint-naval-exercise-conducted-between-eu-and-us_en (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ A Strategic Compass for Security and Defence. P. 18.

В «Стратегическом компасе» речь идет о необходимости сотрудничества с партнерами-единомышленниками по всему миру. В материале *EUISS* автор, констатируя разделение мира на две конкурирующие политические коалиции-системы («демократическую» и «авторитарную») и «стремление китайских властей сформировать постзападный мир», предлагает не ограничивать круг партнеров единомышленниками [Ekman, 2022: 2–3]. Обвинения КНР в создании альтернативной модели управления звучат не первый раз. В одной из работ европейский аналитик Э. Экман считает, что подобные устремления носят не региональную, а глобальную направленность: «Китай стремится построить альтернативную “архитектуру безопасности”, которая устанавливала бы нормы во всем мире». Таким образом, она полагает, что сосуществование «демократий» с «автократиями» переходит в состояние экзистенциальной борьбы [Ekman, 2023: 3].

Тезис о необходимости поиска партнеров не только среди единомышленников иллюстрирует прагматичную позицию по выбору потенциальных союзников для сдерживания КНР. Прагматики выходят за рамки бинарной логики и выделяют третий лагерь – «умело балансирующих» или «колеблющихся», к которому относят Индию [Crosson et al., 2023: 3; Sanchez Casicedo, 2023: 7].

Партнерство Пекина с Москвой и нежелание Китая осудить действия Кремля на территории Украины стали фоном для апрельского саммита ЕС–КНР, который закончился без принятия совместной декларации. Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Борель описал мероприятие как «диалог глухих» [Andersson, Cramer, 2023: 93].

На июньской конференции 2022 г., проводившейся *EUISS*, Ж. Борель упомянул Китай в одном ряду с Россией. Кроме того, он заявил о формировании биполярной системы: США, Европа и единомышленники причисляются к «демократическому» полюсу, а РФ и КНР – к «авторитарному». Действия Пекина во внешней политике характеризуются как «ревизионистские», а для внутренней свойственны процесс централизации и «сокращение пространства плюрализма мнений». Подчеркивается, что Китай вместе с Россией «пытается переопределить международные принципы и бросить вызов существующим правам государств и индивидов». Как и в упомянутом выше аналитическом документе, предлагается применять прагматичный подход в выборе региональных союзников, но они не должны быть «вместе» с РФ и КНР¹.

В сентябре 2022 г. председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен обратилась к Европарламенту с посланием «О состоянии Союза», ключевое место в котором занял российско-украинский конфликт. Кроме того, КНР обвинялась в спонсировании исследовательского центра, «опровергавшего свидетельства существования лагерей принудительного труда для уйгуров». В этом контексте подчеркивается важность борьбы с «ложью, токсичной для демократии», для защиты от «злонамеренного вмешательства» во внутренние дела ЕС и стран-членов².

¹ Speech by Josep Borrell at the EU ISS Annual conference: “The global impact of the war in Ukraine: The tsunami after the earthquake?”. EU External Action. 09.06.2022. URL: https://www.ecas.europa.eu/node/414597_fr (дата обращения: 08.02.2024).

² 2022 State of the Union Address by President von der Leyen. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/ov/speech_22_5493 (дата обращения: 08.02.2024).

В апреле 2023 г. У. фон дер Ляйен вместе с Э. Макроном посетила Пекин, где заявила об усугубляющейся несбалансированности торговых отношений ЕС и Китая, что вызвано, по ее мнению, растущим дефицитом торговли ЕС¹. Брюссель связывает рост дефицита с 2020 по 2022 гг. почти в два раза с закрытостью китайской экономики. Однако этот тезис не подтверждается статистически. Замедление роста ВВП Китая и сокращение внутреннего спроса способствуют сохранению торгового дисбаланса [Буторина, 2023: 5, 13, 17].

Позже в выступлении перед Европарламентом глава ЕК отметила необходимость снижения рисков в отношениях с Китаем. У. фон дер Ляйен утверждала, что усиление КНР «напрямую влияет на партнеров ЕС и их законные интересы». Она также осудила нарушение прав человека в Китае и поддержала страны, попавшие под китайские санкции из-за аналогичной позиции по этому вопросу. В качестве проблем были обозначены стремление КПК увеличить зависимость других стран от КНР при сокращении зависимости последней от мировой экономики, отношения Москвы и Пекина, позиция последнего по украинскому кризису, непрозрачность китайских субсидий и пренебрежение Китая к интеллектуальной собственности².

В конце июня 2023 г. Европейский совет подтвердил закрепленную в прошлых документах и выступлениях позицию по отношению к Китаю. Пекин считается важным торговым партнером и системным соперником, с которым ЕС намеревается выстроить конструктивный диалог для дальнейшего развития отношений и решения глобальных проблем. КНР критикуется за эскалацию ситуации в Тайваньском проливе и нарушение прав человека. Ожидается, что Китай как член Совета Безопасности ООН будет способствовать поддержанию «основанного на правилах мирового порядка» и вынудит Россию посредством давления прекратить боевые действия и вывести войска с территории Украины³. Незадолго до публикации пресс-релиза ЕС ввел ограничительные меры против нескольких китайских компаний, чьи продукты, по мнению Брюсселя, использовались РФ в военных целях. Изначально проект включал восемь компаний, но из-за обещаний китайского правительства оказать на них давление под санкции попали три⁴.

В Пекине 7 декабря 2023 г. прошел 24-й саммит ЕС–Китай. Особое внимание европейская сторона уделила несбалансированности торговых отношений с Китаем как основным экономическим партнером: торговый дефицит ЕС «достиг почти 400 млрд евро». В качестве причин У. фон дер Ляйен назвала недостаточную открытость рынка Китая для европейских компаний, привилегированное положение ки-

¹ “EU-China relations are complex”: Ursula von der Leyen visits Beijing with President Macron. Sky News. 06.04.2023. URL: <https://news.sky.com/video/eu-china-relations-are-complex-ursula-von-der-leyen-visits-beijing-with-president-macron-12851277> (дата обращения: 08.02.2024).

² The need for a coherent strategy for EU-China Relations, with President von der Leyen. YouTube. 18.04.2023. URL: <https://youtu.be/qCITk2VoHfw> (дата обращения: 08.02.2024).

³ European Council conclusions on China, 30 June 2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/06/30/european-council-conclusions-on-china-30-june-2023/> (дата обращения: 08.02.2024).

⁴ Tsuji T. EU takes aim at Chinese companies in new Russia sanctions. Nikkei Asia. 24.06.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/EU-takes-aim-at-Chinese-companies-in-new-Russia-sanctions> (дата обращения: 08.02.2024).

тайский предприятий и избыточные мощности китайской промышленности¹. Обсуждались такие темы, как российско-украинский конфликт и возможная роль КНР в его урегулировании, эскалация палестино-израильского конфликта и необходимость организации гуманитарной помощи, изменение климата и вопросы здравоохранения, нарушение прав человека, рост напряженности в Тайваньском проливе, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях². Двойственный подход ЕС по отношению к Китаю сохранен и будет закреплен в дальнейшем: Пекин остается не только ведущим партнером, но и соперником в области экономики, политики и идеологии. ЕС продолжит «балансировать между сторонами конфликта», оглядываясь на США [Данилин и др., 2022: 68, 75].

Заключение

Менее чем за десятилетие образ КНР в стратегическом видении ЕС претерпел ряд изменений. В период с 2016 по 2018 гг. можно говорить о росте напряженности в двусторонних отношениях, что было связано с разворотом «западной» политики к Азии и продвижением Китаем инициативы «Один пояс, один путь». В это время складываются основные предпосылки для формирования противоречивого образа КНР. В то время Китай характеризовался только как важный торговый и инвестиционный партнер. С 2019 по 2021 гг. за Пекином закрепилась двоякая роль одного из ведущих партнеров и системного соперника, отстаивающего «авторитарную» модель управления. Стратегия ЕС по отношению к Китаю 2019 г. и «Стратегия сотрудничества ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе» 2021 г. официально оформили этот подход. В последнем документе заявляется о существовании фундаментальных противоречий ЕС и Китая в вопросе прав человека. В период с 2022 по 2023 гг. Брюссель заявил о себе как об активном игроке в сфере безопасности, о чем свидетельствовало принятие «Стратегического компаса». На повестку встало участие ЕС в военно-морских учениях с участием стран ИТР, в частности членов АСЕАН и других государств-единомышленников. Немаловажную роль в дискурсивной эскалации ЕС по отношению к Китаю сыграли внешнеэкономические факторы, а именно: торговый дефицит и активная экономическая экспансия КНР в Европе, в частности в Средиземноморье.

Китай, скорее всего, продолжит сохранять двоякую роль в европейском дискурсе. Тогда как некоторые вопросы будут успешно решаться в рамках двустороннего сотрудничества, остальные – торговля, права человека, Тайвань, авторитарные практики – будут болезненны. Взаимодействие возможно, но оно не будет всеобъемлющим. Несмотря на идеологизацию противостояния ЕС и Китая, прагматичный подход применительно к выбору региональных союзников будет продолжен. Он не исключает опору на «демократии», но исходит из того, что их недостаточно для поддержания «международного порядка, основанного на правилах».

¹ President von der Leyen calls for a rebalanced trade relation with China in “Summit of choices”. European Commission. 08.12.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ac_23_6446/AC_23_6446_EN.pdf (дата обращения: 08.02.2024).

² EU-China summit, 7 December 2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2023/12/07/> (дата обращения: 08.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В.Б. (2023) Германо-китайские экономические отношения в условиях актуальных геополитических вызовов. *Современная Европа*. № 7. С. 111–126.
- Буторина О.В., Алексеенкова Е.С. (ред.) (2022) *Фактор Китая в Средиземноморье*. ИЕ РАН, Москва. 200 с.
- Буторина О.В. (2023) Торговля Евросоюза с Китаем: проблема дефицита. *Современная Европа*. № 7. С. 5–20.
- Данилин И.В., Квашнин Ю.Д., Кислицын С.В., Кобринская И.Я., Ломанов А.В., Уткин С.В. (2022) Евросоюз-Китай в меняющемся мироустройстве. *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 68–79.
- Носов М.Г. (2018) ЕС и Китай: торговля и стратегия. *Современная Европа*. № 6. С. 5–17.
- Носов М.Г. (2015) ЕС – Китай. *Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность*. Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. ИЕ РАН; Весь Мир, Москва. С. 269–287.
- Alves D.R. (2023) The EU's discourse coherence and its relationship with China: a new normative actor? *SN Social Sciences*. Vol. 4. P. 1–21.
- Andersson J.J., Cramer C.S. (2023) *Yearbook of European Security*. EUISS, Paris, France. 115 p.
- Crosson D.M., Benaglia S., Vermeulen L. (2023) *Future-proofing EU Security and Defence Cooperation in the Indo-Pacific: Doubling down with Friends*. CEPS, Brussels, Belgium. 9 p.
- Ekman A. (2023) *China's Global Security Initiative. Brief 5*. EUISS, Paris, France. 4 p.
- Ekman A. (2022) *China and the Battle of Coalitions. The "Circle of Friends" Versus the Indo-Pacific Strategy. Chaillot Paper 174*. EUISS, Paris, France. 59 p.
- Ekman A. (2020) What if... We Avoided Wordplay with China? *What if... Chaillot Paper 157*. Ed. by F. Gaub. EUISS, Paris, France. P. 8–13.
- Fiott D., Lindstrom G. (2021) *Strategic Compass: New bearings for EU Security and Defence? Chaillot Paper 171*. EUISS, Paris, France. 62 p.
- Fiott D. (2021) *Naval Gazing? The Strategic Compass and the EU's Maritime Presence. Brief 16*. EUISS, Paris, France. 8 p.
- Sanchez Cacicedo A. (2023) *India's G20 Presidency: A Showcase for Skilful Minilateralism. Brief 17*. EUISS, Paris, France. 8 p.

The EU Strategic Approach to China (2016–2023)

D.V. Leushkin

Candidate of Science (Politics), Associate Professor
Institute of International Relations and World History, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
 2, Ulyanova Street, Nizhny Novgorod, Russia, 603005, **E-mail:** den.leushkin@mail.ru

N.G. Samoilov

School of International Relations, Saint Petersburg State University
 Entance 8, 1/3 Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191060,
E-mail: samoilovng@gmail.com

Abstract. The goal of the article is to identify the main stages of the formation of the ambivalent image of the PRC in the European discourse, as well as the causes and factors that determined the transformation of the approach to China in official documents and statements, including the points of view of a number of European think tanks. The first stage is related to the emergence of prerequisites for the deterioration of bilateral relations due to the intensification of economic contradictions. The second one is linked to Beijing's dual role as a partner and competitor becoming mainstream in Europe in the context of the deteriorating relations. Finally, the third stage is associated with the growing EU's ambitions in ensuring international and regional security, in particular those highlighted in the Strategic Compass, and negative attitude of the EU towards the Chinese stance on the Russo-Ukrainian conflict. The authors use a world-systems approach,

focusing on the influence of external economic factors on the development of the European discourse towards China. The research relies on the analysis and comparison of the EU documents, official statements made by heads and representatives of the European institutions, as well as publications provided by experts and analytical centres studying relations between the EU and PRC. The consolidation of China's contradictory image as both partner and rival in the official European discourse and expert community is quite natural. It is related to the aggravation of the crisis of the world-system itself, transformation of the world order, as a result, the actualisation of economic disagreements, which can be illustrated by the EU's trade deficit with China. Brussels' modern approach to Beijing fits into the logic of the confrontation between «democracies» and «autocracies» – the conflict with China is publicly covered not as an economic rivalry, but as an existential struggle between different political systems articulated in ideological terms. The authors believe that such an internally contradictory approach to China will remain dominant in the face of the above-mentioned issues.

Keywords: EU, China, Strategic Compass, Indo-Pacific, discourse, think tanks

DOI: 10.31857/S0201708324050048

REFERENCES

- Alves D.R. (2023) The EU's discourse coherence and its relationship with China: a new normative actor?, *SN Social Sciences*, 4, pp. 1–21.
- Andersson J.J., Cramer C.S. (2023) *Yearbook of European Security*, EUISS, Paris, France.
- Belov V.B. (2023) Germano-kitaiskie ekonomicheskie otnosheniya v usloviyakh aktual'nykh geopoliticheskikh vyzovov [German-Chinese Economic Relations in the Context of Current Geopolitical Challenges], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 111–126. (In Russian).
- Butorina O.V., Alekseenkova E.S. (ed.) (2022) *Faktor Kitaya v Sredizemnomor'e* [The China Factor in the Mediterranean], IE RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Butorina O.V. (2023) Torgovlya Evrosoyuz s Kitaiem: problema defitsita [EU Trade with China: the Problem of Scarcity], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 5–20. (In Russian).
- Crosson D.M., Benaglia S., Vermeulen L. (2023) *Future-proofing EU Security and Defence Cooperation in the Indo-Pacific: Doubling down with Friends*, CEPS, Brussels, Belgium.
- Danilin I.V., Kvashnin Y.D., Kislitsyn S.V., Kobrinskaya I.Ya., Lomanov A.V., Utkin S.V. (2022) Evrosoyuz-Kitai v menyayushchemsya miroustroistve [European Union – China in the Changing World Composition], *World Economy and International Relations*, 1, pp. 68–79. (In Russian).
- Ekman A. (2023) *China's Global Security Initiative. Brief 5*, EUISS, Paris, France.
- Ekman A. (2022) *China and the Battle of Coalitions. The "Circle of Friends" Versus the Indo-Pacific Strategy. Chaillot Paper 174*, EUISS, Paris, France.
- Ekman A. (2020) What if... We Avoided Wordplay with China?, in Gaub F. (ed.) *What if... Chaillot Paper 157*, EUISS, Paris, France, pp. 8–13.
- Fiott D., Lindstrom G. (2021) *Strategic Compass: New bearings for EU Security and Defence? Chaillot Paper 171*, EUISS, Paris, France.
- Fiott D. (2021) *Naval Gazing? The Strategic Compass and the EU's Maritime Presence. Brief 16*, EUISS, Paris, France.
- Nosov M.G. (2018) ES i Kitai: trgovlya i strategiya [EU and China: Trade or Strategy], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 5–17. (In Russian).
- Nosov M.G. (2015) ES – Kitai, in Al.A. Gromyko, M.G. Nosov (ed.) *Evropeiskii soyuz v poiske global'noi roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [The European Union in Search of Global Role: Politics, Economy, Security], IE RAN; Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 269–287. (In Russian).
- Sanchez Cacicedo A. (2023) *India's G20 Presidency: A Showcase for Skilful Minilateralism. Brief 17*, EUISS, Paris, France.